

Сун Цинъи криво улыбнулся, в его улыбке сквозила легкая холодность. Как он мог забыть этот голос? Самая молодая наложница отца, живущая в доме меньше трех лет, но уже успевшая родить двухлетнего сына — его младшего брата. Конечно, если бы дело было только в этом, Сун Цинъи не стал бы усмехаться. Однако эта наложница отличалась острым языком, и даже в прошлой жизни он не испытывал к ней уважения. Более того, когда в семье случилась беда, она сбежала, прихватив с собой побочный регистр, в котором были записаны секреты семейного ремесла. Хотя это были лишь второстепенные техники, это вызвало у Сун Цинъи глубокое отвращение. Кроме того, в период его упадка он увидел ее еще более отвратительную сторону. Она была одной из тех, кто, помимо двух главных врагов, вызывал у него наибольшее раздражение. И сейчас она явно нацелилась на его законную жену.

— Шестая наложница, не судите строго, просто я сегодня утром чувствовал себя вялым и не хотел вставать, поэтому задержал Жуньюня с утренним приветствием. Вот я и пришел вместе с ним, чтобы извиниться перед матерью.

Слова Сун Цинъи звучали вежливо, но в них чувствовалась колкость. В комнате матери, пока хозяйка не проронила ни слова, эта шутиха решила выскочить вперед.

Услышав голос Сун Цинъи, в комнате повисла тишина.

Через мгновение раздался удивленный голос его матери:

— Это Дуаньцзинь? Почему не заходишь сразу?

Голос матери был спокойным и изящным, с легкой ноткой вины и радости.

Сун Цинъи прекрасно понимал, в чем чувствовала вину мать. Она думала о том, что ее сына вынудили жениться на мужчине, и сама же подсыпала ему снотворное. Однако пробудившийся вновь Сун Цинъи не винил мать.

Поддерживая Ци Жуньюня, он шагнул вперед и громко ответил. Пройдя через передний двор, он оказался в главном зале, где бдительные служанки уже подняли занавески.

Войдя в зал, он увидел, что помимо матери, сидящей на главном месте, внизу расположились несколько наложниц и дядьев. Шестая наложница, которая первой заговорила, из-за своего позднего вступления в семью занимала самое последнее место.

Сун Цинъи не обратил внимания на остальных. Отпустив руку Ци Жуньюня, он поклонился матери, сидящей на главном месте.

— Мама.

Он произнес слово, которого не произносил много лет. На его лице не было видно эмоций, но внутри он переживал бурю. В те времена, когда отец и мать были живы, он, будучи единственным законным сыном и окруженный любовью, не обращал внимания на это ласковое обращение. Обычно он просто называл ее матерью и уходил заниматься своими делами. Но сейчас это слово напомнило ему взгляд разочарования и боли в глазах матери перед ее смертью в прошлой жизни. Его взгляд потемнел, и он быстро опустил голову.

Старая госпожа Сун, сидящая наверху, на мгновение замерла от обращения сына, а затем с облегчением улыбнулась:

— Дуаньцзинь сегодня ведет себя как ребенок. Это ты привел свою жену, чтобы похвастаться

перед мамой?

Изначально она не собиралась так шутить, ведь вчера она сама подсыпала афродизиак в их свадебный напиток. На следующий день она действительно боялась столкнуться с недовольством сына. Но сейчас, когда сын пришел с женой и произнес «мама», слово, которое она не слышала много лет, она, хотя и не знала причины, поняла, что сын ее не винит.

Старая госпожа Сун с любовью смотрела на сына и на его спутника, тихого и изящного мужчину-жену — Ци Жуньюня, который прожил в Дворе Сили пятнадцать лет. Конечно, она его видела, но, любя своего сына, она считала, что женитьба на мужчине унижает ее законного сына. Поэтому, хотя она и не притесняла Ци Жуньюня, она не любила его и никогда не рассматривала его внимательно. Однако сейчас, когда сын сам привел его для приветствия — что в семейных правилах считается высшим проявлением уважения и заботы к жене, — а также из-за необъяснимого изменения в поведении сына, старая госпожа Сун, любящая своего сына, перенесла свою любовь и на Ци Жуньюня, внимательно его разглядев.

Он был спокойным, с хорошими манерами, черты лица были не слишком утонченными, но приятными. Однако он казался слишком тихим и молчаливым. Старая госпожа Сун кивнула и приказала служанкам поставить места для Сун Цинъи и его супруга.

Вскоре после того как они сели, служанки, сопровождавшие их, поднесли два подноса. На одном стояла фарфоровая чаша с крышкой из официальной мастерской, внутри которой был заварен чай гуапянь, с изумрудным оттенком. На другом подносе также стояла чашка с крышкой, но это была целая серия из пяти чашек светло-зеленого цвета — это был чай, который Ци Жуньюнь должен был подать старшим в знак уважения.

Поскольку Сун Цинъи сопровождал его, а старая госпожа Сун с улыбкой приняла чай и вручила подарок, не выказывая никакого желания притеснять, остальные наложницы и дяди поняли: положение Ци Жуньюня как законной жены старшего сына семьи Сун признано внутренним двором. Они также не стали придираться и с готовностью выпили чай, вручив подарки.

Однако, когда чай поднесли шестой наложнице — той, которая первой заговорила с насмешкой, — Сун Цинъи заметил мелькнувшую в ее глазах злобу.

По правилам, как законная жена старшего сына, Ци Жуньюнь должен был преклонить колени перед свекровью, поднося чай. Остальным наложницам и дядьям достаточно было поклониться и подать чашку, и в будущем им не нужно было выполнять такие церемонии, так как различие между законными и незаконными детьми в семье, соблюдающей правила, было очень важным. И сейчас несложно было догадаться, откуда взялась «злоба» шестой наложницы.

Сун Цинъи холодно усмехнулся. Бездарная и самонадеянная тварь! Подняв взгляд, он увидел, как в глазах матери мелькнуло отвращение.

После церемонии чая свадебные обряды новой жены завершились, и теперь она должна была остаться на последнем месте, сопровождая старших, и только в обед, после того как она обслужила свекровь, могла вернуться в свои покои, чтобы поесть. Однако сейчас, когда Сун Цинъи был здесь и знал о дискомфорте Ци Жуньюня, он не хотел, чтобы тот тратил утро на эту скучную церемонию, голодая и соблюдая правила. Кроме того, хотя у отца и были мужчины-наложники, их было немного, и они не пользовались особым вниманием, поэтому во время обеда они не присутствовали вместе с матерью и наложницами. Оставить Ци Жуньюня обслуживать было бы неловко.

Поэтому, с легкой игривостью, Сун Цинъи с улыбкой сказал матери, что Ци Жунъюнь устал прошлой ночью, и попросил дать ему сегодня отдохнуть.

Старая госпожа Сун, увидев сына в таком игривом настроении — чего давно не случалось, — хоть и удивилась перемене в его поведении, все же была этому рада. Она подумала, что, возможно, после свадебной ночи он обратил на это внимание, и с радостью освободила Ци Жунъюня от соблюдения правил, отпустив молодую пару в их покой.

Этот обмен репликами между матерью и сыном, конечно, не ускользнул от внимания остальных присутствующих, и слухи о том, что законная жена не в фаворе, теперь можно было считать опровергнутыми. Это и было намерением Сун Цинъи.

Ци Жунъюнь, который все это время молча соблюдал этикет и подавал чай, отступил в сторону и не проронил ни слова. Перед лицом неожиданной ситуации он оставался спокойным, лишь изредка в его глазах мелькало удивление, показывая, что в его душе происходили некие мысли.

Когда все эти церемонии завершились и они вернулись в свои покои, прошло уже больше часа. Сун Цинъи, видя, что на лбу Ци Жунъюня выступил легкий пот, сказал:

— Ложись отдохни, я сначала пойду к отцу.

Он машинально хотел вытереть пот, но счел это слишком поспешным и, оставив эти слова, вышел из комнаты.

Повернувшись, чтобы уйти, Сун Цинъи не заметил, как взгляд Ци Жунъюня потемнел при упоминании о визите к отцу. Он ничего не сказал, просто стоял у двери, наблюдая, как Сун Цинъи быстро удаляется...

Господин Сун, как глава семьи Сун, жил в главном доме, который находился недалеко от покоев Сун Цинъи, но и не слишком близко. Идти туда пешком было недолго, но требовало времени. По дороге Сун Цинъи размышлял о том, как держать себя перед отцом. Ведь хотя он вернулся из прошлой жизни, чувствуя, что прошел через многое, для других это было всего лишь вчерашним днем. Он долго боролся с отцом ради той женщины, но после одной ночи его отношение резко изменилось, что могло показаться странным. Однако он больше не мог следовать прежнему плану и жениться на ней. Он мог только думать о том, как найти повод отложить это, а затем решать, что делать.

К сожалению, ранее он был слишком тороплив, и сейчас любой предлог мог вызвать подозрения. Если бы только нашлось что-то важное, что заставило бы отложить это дело...

Размышляя об этом, он почти дошел до места и вдали увидел дядю Наня, который выходил из двора отца, неся в руках аккуратный деревянный ящик.

<http://bllate.org/book/16594/1516460>